

ALL IN

Любовь без компромиссов

АННА ДЖОЛОС

Ариэрия

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д42

Серийное оформление — Леонид Балацкий

Иллюстрация на обложке — ZAPilim (ZAP)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Джолос, Анна.

Д42 Аритмия : [роман] / Анна Джолос. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 608 с. — (ALL IN. Любовь без компромиссов).

ISBN 978-5-17-189654-6

Ян Абрамов. Моя первая любовь. Моя первая боль... Наши чувства казались искренними и настоящими, однако хрупкое доверие в одночасье разбилось о предательство. Он жестоко и хладнокровно отомстил. Забыл меня. Вычеркнул. А я еще долго собирала себя по осколкам и училась существовать без Него.

Говорят, есть поступки, которые нельзя прощать. Поступки, за которые невозможно заслужить прощение. Вот только как быть, если Тот, кто разбил твое сердце, снова бесцеремонно вторгается в твою жизнь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189654-6

© Джолос А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Академия мерты

ДАРИНА АРСЕНЬЕВА

Наши дни
Москва, октябрь

Монотонная речь многоуважаемого профессора Преображенского обманчивой, убаюкивающей рапсодией разносится по аудитории. Пожилой седовласый мужчина восседает за кафедрой и ведет неспешный диалог с самим собой. Именно так может показаться на первый взгляд... Потому что на большинство его вопросов в ответ звучит лишь постыдная тишина.

Если честно, большая часть студентов откровенно спит. Оно и понятно. Пятница, последняя пара, которая, к слову, заканчивается довольно поздно. Еще и погода как нельзя лучше располагает ко сну: дождь, ритмично барабанивший по крышам, заливал улицы весь день напролет...

Поворачиваю голову влево и не могу сдержать легкую улыбку. Картина маслом: в то время как преподаватель толкует о грамматике, Бобылёва и Вершинина возлежат друг на друге и бессовестно предаются сладостному дрему.

Михаил Валерьевич прерывает лекцию и после затянувшейся паузы вымученно-горестно вздыхает.

С запоздалым ужасом понимаю, что он в этот самый момент тоже поймал девочек с поличным. Пристальный, хмурый взгляд из-под очков с широкой оправой и плотно сжатые губы — прямое тому подтверждение.

Аккуратно толкаю Ингу локтем в бок. Притом дважды. Девушка, однако, никак не реагирует и по-прежнему продолжает пребывать в царстве Морфея. Ощутимо наступаю ей на ногу, и только тогда она, часто моргая, распахивает подведенные стрелками глаза.

— Спятила, Арсеньева?! — грозно шипит она, не сразу сфокусировавшись на моем лице.

— Вершинина, — тут же проясняет ситуацию глубокий голос профессора, — будьте так любезны, напомните нам, пожалуйста, сколько спряжений имеет латинский глагол?

Инга расправляет спину, изящным жестом перекидывает волосы через плечо и лишь после всех этих манипуляций с присущей ей невозмутимостью смотрит на Преображенского.

— Четыре, — прикрывая рот учебником по латыни, шепчу я.

— Четыре, — повторяет она, обольстительно при этом улыбаясь.

— Верно, — глядя на меня, кивает профессор.

— Я всегда вас слушаю, Валерий Михалыч, — зачем-то добавляет Вершинина.

Валерий Михалыч! Стыд какой...

Бью себя по лбу тем самым учебником. Надо сказать, в повисшей тишине выходит чересчур громко.

— Вы бы лучше соседку свою в чувство привели, — недовольно комментирует мой казус преподаватель. — Зарубите себе на носу, в школу идут для того, чтобы научили, а в высшее учебное заведение приходят затем, чтобы учиться! Улавливаете разницу?

— Я ж вроде правильно ответила на ваш вопрос, — искренне недоумевает Инга, закидывая в рот две плоские таблетки рондо.

Преображенский припечатывает ее гневным взглядом.

— Хотите? — Девчонка вскидывает вверх руку. — Ничего запрещенного, просто мятные конфетки.

Посылаю ей выразительный взгляд.

Подарить бы этому человеку тормоза... Иногда она серьезно перегибает.

— Неслыханная дерзость! — возмущенно кричит профессор, брызжа слюной. — Некоторые из вас... даже до первой сессии не дотянут!

На этих словах голову с парты поднимает и встрепенувшаяся Бобылёва.

— Звучит как угроза, — никак не уgomонится Вершинина.

— Вместо того, чтобы занимать чужое место, шли бы вы... на завод пахать!

— На завод? Пфф... Не для того меня мать растила, — насупившись, язвит Инга.

— Не надо, — тихо прошу я, под столом накрывая ее ладонь своей.

— И место мое, кстати, оплачено! — угрюмо взирает на него она.

Боже, ну зачем дерзит, провоцируя конфликт?

— Деньги — не гарантия того, что вы останетесь в академии, — опасно прищуривается Преображенский. — Здесь расслабляться нельзя, это вам не шарага какая-нибудь! В любой момент можете вылететь отсюда как пробка!

— И снова угрожаете... — устало вздыхает она, поднимаясь со своего места.

— Я вас еще не отпускал! — пуше прежнего гневается Михаил Валерьевич.

— Меня тошнит. Надо бы разобраться, в чем дело, — сообщает Инга, закидывая вещи в сумку. — Так что шалом.

Шалом! Господи...

Стук ее каблучков эхом отзывается от стен.

Мы с Бобылёвой переглядываемся. У Инги и так отношения с Преображенским весьма натянутые, а теперь серьезных проблем точно не избежать.

— И откуда вы только такие борзые беретесь! — Профессор швыряет на стол старенькие очки. — Понаедут из этих своих мухосрансков, а гонору...

Здесь я с ним в корне не согласна. Можно подумать, только приезжие так себя ведут. Вон местные москвичи и не то себе позволяют.

— Дальше материал записываем, горе-лингвисты...

— Извините, но лекция как бы подошла к концу, — очень вовремя вмешивается Яковлев.

— Лекция, Яковлев, закончится тогда, когда я решу! — громогласно ревет преподаватель.

Собственно, так и происходит. Обе группы остаются в аудитории еще минимум на полчаса. Сна уже ни в одном глазу, все корпят над своими конспектами (по-настоящему или только делают вид, неважно), ведь Преображенский после выходки своей студентки явно не в самом добром расположении духа, а у нас с ним семинары впереди. Про экзамен вообще молчу. Все мы наслышаны о том, что с первого раза у него сдают единицы.

— Какая муха ее укусила? — уже в коридоре, зевая, интересуется Ритка.

— Це-це, — хохочет Яковлев, пристраиваясь сзади. — Чё, Дарин, подкинуть вас до общаги?

— Нет, спасибо, — стиснув зубы, отзывается вместо меня подруга.

— Бобылёва, извини, но тебя в расчет не беру. У меня тачка и так низко лежит, а с тобой, боюсь, даже не тронемся, — наигранно виновато разводит он руками.

— Антон, прекрати, — одергиваю его я, сурово нахмутив брови.

В общении с Ритой этот парень зачастую переходит всякие границы. Это ее очень расстраивает, но, надо отдать ей должное, она стойко держится и вида не подает.

— Наконец-то! Чего так долго?

Инга захлопывает пудренницу и спрыгивает с подоконника.

— По твоей милости, Вершинина, нас и задержали, — тоном учительницы начальных классов бросает мимо проходящая староста.

— Шагай в свою библиотеку, Сивашова! Это единственное место, где тебя ждут.

— Инга, — качаю я головой.

Умеет она надавить на больное. С Таней действительно никто особо не общается. Так уж повелось...

— В отличие от тебя, я хотя бы знаю, в каком крыле она находится, — обиженно каркает та в ответ.

— Иди-иди, — отмахивается Вершинина, — зубы свои кривые только не сломай, когда будешь грызть гранит науки.

Спускаемся по лестнице. На первом этаже по традиции суэта и толкучка. Студенты галдят, выстроившись в длинную очередь. Все торопятся поскорее забрать свои вещи и покинуть здание университета. Но гардеробщицу это мало волнует. Она выдает верхнюю одежду в присущей ей манере: неспешно и с кислым выражением лица.

— Как теперь будешь ходить на пары к Преображенскому? — интересуется Ритка, глядя на Ингу.

Та крутится перед зеркалом и придирчиво осматривает себя с ног до головы.

— Не грузи, Бобылыч, — морщится Инга при упоминании его фамилии.

— Тебе не надо было грубить ему, — присоединяюсь я к словам Риты.

— Еще какой-то старый козел будет рассказывать мне, что я занимаю чье-то место! — злится она, одергивая воротник модного бежевого плаща, идеально сочетающегося с ее темными волосами. — Взъелся на меня и зуб точит! Я уже начинаю думать, что он ко мне неровно дышит.

— Ты уже третий раз за месяц путаешь его имя-отчество, — озвучиваю я истинную причину ненависти оскорбленного профессора, ничуть не сомневаясь в том, что дело именно в этом.

— И что с того? — Она забирает сумку из моих рук и ждет, пока я накину куртку. — Это не повод бросаться на меня с наездами. Просто мой мозг отфильтровывает ненужную информацию.

Ритка закатывает глаза.

— Не стоит заводить здесь врагов, — зашнуровывая кеды, сообщаю свою позицию я.

— А чего мне бояться? — Тот самый гонор, о котором говорил Преображенский, из Вершининой так и прет. — Это вы, бюджетники, как зайцы трясетесь, что вас турнут, а меня выкинуть не имеют права.

«Как зайцы трясетесь, что вас турнут...»

Так-то это правда. Я, например, до сих пор благодарю Всевышнего за то, что имею возможность учиться в этом месте.

Чудо, не иначе...

К поступлению в ПМГА¹ я готовилась на протяжении четырех лет. Дополнительные занятия, факультативы в школе, курсы и частные репетиторы, на которых родители тратили уйму денег... По итогу набрала сто баллов ЕГЭ по двум предметам, но, честно говоря, абсолютно не была уверена в том, что это учебное заведение будет мне по силам. (Не по карману уж точно, учитывая стоимость обучения за семестр...)

— Если сессию завалишь, отчислят, — робко произносит Ритка.

— Бобылыч, рот не прищими, когда будешь застегивать пальто. Если оно застегнется на тебе, конечно, — хмыкает Инга, улыбаясь.

— Так, все на выход! — киваю я в сторону турникета.

В противном случае зацепятся языками, не остановишь.

— Между прочим, это Ритка виновата в том, что я уснула! — возмущается за моей спиной Вершинина. — Она знаешь какая мягкая? Как пуховое одеяльце! Вот я и прикорнула. Ай! Убери от меня свои культипки, Бобылыч!

Выбираюсь на улицу, и звонкие голоса девчонок гасит разбушевавшийся ливень. Запах сырости тут же пробирается в ноздри, а холод, неприятно лизнув открытую шею, разгоняет по телу мурашки.

— Ну, зашибись! — Инга морщит нос и поджимает губы. — Народ, есть у кого-нибудь зонт?

¹ ПМГА — Первая Московская государственная академия международных отношений. Вымышленное учебное заведение.

— Ты ж утром говорила, что это — не наша туча! — дразнится Ритка.

— Плыви уже на базу, крейсер! — раздраженно цокает языком Инга в ответ.

— Офигеть. — Нарисовавшийся поблизости Яковлев присвистывает, оценивая масштабы бедствия.

Небо затянуто тяжелыми графитовыми тучами. Мрачно, пасмурно. Погода и впрямь разошлась не на шутку: промозглый ветрище, вода сплошной стеной. По асфальту растекается бескрайнее море...

— Где твоя машина? Далеко?

Вершинина отступает назад, дабы не намочить свои дорожные замшевые ботиночки.

— На парковке, естественно, где ж ей еще быть, — хмыкает парень, устремляя взгляд вверх.

— А до парковки мне каким образом добираться?! — недовольно верещит она.

— Добежим...

— Вот еще, — фыркает брюнетка. — На ручки меня бери, Яковлев.

Ритка кривится, наблюдая за одnogруппником, покорно исполняющим просьбу Инги.

— Дарин, ты опять сегодня зависаешь со своими стариками? — громко кричит она.

— Да.

Столпотворение на крыльце вынуждает сдвинуться вперед. Крупные капли дождя тут же касаются моего лица и забираются за шиворот.

— Осторожнее, Тох, не урони, блин!

— Ой, да чё тут того веса, Вершинина! А вот с тобой, Бобылыч, так не прокатит, — проходя мимо нас, снова хохочет Антон, в то время как Инга перекидывает руку ему за шею. — Спину сорву или грохнусь к чертям.

— Ну что, идем? — Покрасневшая до алого Ритка вскидывает подбородок и воинственно раскрывает зонт, игнорируя очередной выпад в свою сторону.

Я киваю и спускаюсь со ступенек, моментально ощущая, как мокнули ноги.

Надо поговорить с Антоном. Это уже ни в какие ворота...

Раскат грома заставляет нас непроизвольно пригнуть голову и плотнее прижаться друг к другу. Заливисто смеясь и шлепая по лужам, мы с Риткой добегает до остановки. Мокрые до нитки, продрогшие, зато счастливые...

Глава 2

Украденный богу

Жизнь в общежитии кипит круглосуточно. Вот и вчера шумные соседи из двести двенадцатой практически всю ночь активно мешали нам спать. Громко и с размахом праздновали день рождения грозной старшекурсницы Екатерины Кулаковой (имеющей весьма говорящее прозвище Катя-кулак).

Гудеж, громкий смех за стеной и постоянное хлопанье дверями — это далеко не полная картина того, что там происходило. Но настоящая пытка для всех нас началась чуть позже, когда Герман Левицкий принялся мучить струны несчастной гитары, исполняя популярные шлягеры восьмидесятых.

Вот где мрак-то... Там не то что медведь на ухо наступил, там вообще кошмар полный: ни слуха, ни голоса. Эдакая гремучая смесь Джигурды и Витаса в одном флаконе. Даже не знаю, как нам удалось пережить это издевательство над инструментом...

Субботнее утро тоже начинается далеко не с приятной ноты. Сперва зареванная и расстроенная Ксюша Иванова будит нас новостью о том, что ее подопечный, хомяк по кличке Боцман, совершил побег.

Вообще в нашем общежитии строго-настрого запрещено держать любых животных. За подобную шалость светит выселение. Но я уже поняла, что любые правила воспринимаются подавляющим большинством студентов не иначе как вызов.

Так вот вернемся к нашим баранам, а точнее хомякам. Подавленная грустным событием Ксюша горько оплакивает свою потерю, выпивает залпом стакан воды и отправляется на поиски грызуна. А мы, прибитые и осоловевшие, дружно зевая, идем в общую душевую. Однако и там удача, увы, оказывается не на нашей стороне. Уж очень много в выходные желающих почистить перышки...

Пока ждем своей очереди в списке, затеваем с Риткой уборку, поровну распределив обязанности. После ритуала наведения порядка принимаемся за приготовление обеда. И даже Ингу, частенько отлынивавшую от подобных бытовых забот, удается привлечь ко всеобщему делу. То ли настроение

у нашей белоручки хорошее, оттого что родители перевели ей приличную сумму денег, то ли совесть проснулась. Но скорее все же первое.

Кто не успел, тот не успел... Ближе к одиннадцати в общежитии внезапно отключают горячую воду. Об этом нас оповещает в край возмущенная Инга, появившаяся на кухне.

— Не ну это просто треш! Мало того, что очередь размером с анаконду, так еще и приколы какие! — кричит она, скручивая на голове замысловатый тюрбан из полотенца. — Только пеной намылилась — и на тебе! Я буду жаловаться! Двадцать первый век на дворе! Столица! — всплескивает она руками. — А если я заболēju от этой ледяной воды и слягу с воспалением легких?

Инга едва не плачет. Наша тепличная ростовская принцесса не привыкла к таким экстремальным условиям. В первую неделю заселения у нее вообще случилась депрессия. Все ее удручало: недостаточно мягкая кровать, унылые обои, отсутствие штор, общий шкаф и холодильник. Держалась она с нами холодно и напряженно, но потом волею обстоятельств мы все-таки сдружились.

Жаловаться Вершинина, конечно, не пойдет, это просто игра на публику. Ингу и так по понятным причинам в это общежитие заселили с большой неохотой. И, естественно, не за бесплатно.

— А чё вы такие потерянные? — наконец замечает она печать озадаченности на наших лицах.

— Кастрюлю угнали, — загробным голосом сообщает Ритка, почесывая левую бровь.

— Борщ? Наш борщ? — вопит Вершинина. — Ну, знаете ли... Они тут вообще все дикие, что ли?!

Я вздыхаю, хмуро глядя на плиту. Мне на работу скоро, а обед, похоже, отменяется. Впрочем, как и душ, наверное.

— Я за солью в комнату ходила, — рассказывает Бобылёва, все еще пребывая в состоянии шока. — Сюда возвращаюсь, а кастрюли нет...

— Надо было лучше за ней следить!

— Да кто ж знал-то! Я на пару минут ее оставила! — огорченно причитает Ритка.

— И кто по-вашему стащил наш борщ? — задумчиво склоняю я голову.

— Левицкий, сто процентов! — зло прищуриваясь, выдает свою версию Инга. — На прошлой неделе Федорова чеховстила его за съеденную картошку. Ох, я те щас устрою, чертило питерское!

Угрожающе скрипнув зубами, Инга хватает из моих рук половник, разворачивается и с немыслимой скоростью устремляется в коридор с громким воплем «Левицкий, тебе хана!».

Мы с Бобылёвой несемся следом, нагоняя ее лишь у комнаты Германа.

— Открывай, скотина!

Брюнетка остервенело дубасит кулаком по двери, но отзываться никто не спешит.

Может, Герман и не слышит. По ту сторону стены громко играет песня «Белая ночь» в исполнении Виктора Салтыкова.

— Зараза! — Вершинина снова раздосадовано лупит кулаками по гладкой поверхности. — Есть идеи как его вытравить оттуда?

— Пожар! — кричу я во все горло.

— Горим, Герман! — подхватывает Ритка, переходя на неистовый ор.

Клянусь, я аж вздрагиваю от неожиданности. Но самое главное, что уже через несколько секунд дверь резко распахивается, саданув при этом Вершинину прямо по лбу.

Она роняет половник, а Ритка хватается за сердце. Потому что перед нами стоит Левицкий, облаченный в противогаз.

— Ты, придурок! Кто ж так делает?

Инга растирает ушибленный лоб.

— Я вас спасу.

Кажется, он говорит именно это. Толком и не разберешь.

— А тебя уже ничего не спасет, — набрасываясь на него, зло отзывается разъяренная Вершинина. — Где мой борщ? Для тебя я, что ли, его готовила?!

— Правильно ты сделала, что заставила ее почистить овощи, — одобрительно кивает Ритка, наблюдая за тем, как Инга колошматит Германа.

— Мы правда горим? — скучающим тоном интересуется Настя Лопырёва, поправляя крупные бигуди на голове.

Только сейчас я замечаю, что в коридоре собралась толпа любопытных студентов. Вон уже и на телефон снимают бойцовский клуб имени Инги Вершининой, в этот самый момент восседающей на Германе.

— Забери, пожалуйста, у Чернышова телефон, — прошу я Ритку, пробираясь в эпицентр.

— Да не трогал я ваш борщ! — уверяет распластавшийся на полу Левицкий.

— Врешь, гаденыш! — яростно шипит девчонка, отбрасывая в сторону противогаз.

— Да не вру я. Говорю ж, не трогал!

Добираюсь до цели, бросаю тревожный взгляд на Германа и начинаю звонко смеяться. Вершинина, кстати, наоборот, гневается пуще прежнего, продолжая раздавать несчастному тумаки.

— Дайте ему зеркало.

— Умора блин.

Раздается дружный хохот ребят. Герман хлопает глазами, изображая из себя самую невинность. А у самого рыльце в пушку. Точнее, рот в борще.

— Эт чё вы мне тут устроили! — доносится до нас грозный голос комендантши.

— Фюрер!

Лопырёва свистит, и в коридоре моментально начинается невообразимая давка.

Инга быстро поднимается на ноги и направляется в обитель Германа.

— Вставай уже, Гер, — протягиваю я руку Левицкому.

Как-то жалко его стало, что ли... Получил он от Вершининой знатно. Лицо расцарапано, рубашка порвана. Вон даже очки в двух местах треснули, съехав на бок.

— Прости, Дарин, не удержался, — кряхтя, оправдывается парень. — Я только крышечку приподнял, чтобы в полной мере насладиться ароматом. И, собственно, стал заложником своих рецепторов. А я ж еще чеснок на окне выращиваю, так что...

— Ясно, — окончательно смягчившись, улыбаюсь я.

Что с них взять-то, с мальчишек? Одних я как-то уже застала за интересным делом. Картошку варили в кастрюле, просто пустив горячую воду из крана.

— Что происходит, Арсеньева? Левицкий?

Комендантша сурово взирает на нас обоих, уперев руки в бока.

— Наглый грабеж среди бела дня, вот что! — Недовольный рев Вершининой, показавшейся со знакомой кастрюлей в руках, раскатом грома проносится по коридору. — Обедать, двести одиннадцатая!

Она бросает свирепый взгляд в сторону раскрасневшего Левицкого и, круто развернувшись, удаляется, страшно довольная собой.

— Арсеньева. — Женщина подозрительно прищуривается, наклоняется, подбирает пожарный противопогаз. — Это что?

— Это мое, Зоя Васильевна! Мы тут тренировку по антипожарной безопасности решили провести, — с серьезным видом заявляет ей Левицкий.

— Вы мне зубы-то не заговаривайте, шушера!

— Все у нас в порядке. Мы уходим. — Я хватаю Бобылёву под руку и спешу вместе с ней покинуть место происшествия.

— Стоять! — гаркает она. — О чем распиналась та пигалица? О каком грабеже шла речь? В вашем блоке появились воришки?

Ей только повод дай всех прошерстить.

— Мы с Германом просто перепутали кастрюли, только и всего, — пожимаю я плечами.

Фюрера мое пояснение явно не устраивает. Она, кажется, собирается сказать нам что-то еще, но в эту самую секунду раздается пронзительный вопль Вершининой. А затем и страшный грохот.

— Ааа! Мышь, здесь мышь! — кричит Инга.

Зоя Васильевна, протяжно охнув, бежит в дальнее крыло, а мы тем временем стараемся от нее не отставать.

— Похоже, нашелся сбежавший иммигрант, — смеется Ритка, очевидно имея в виду хомяка, незаконно проживающего у Ивановой.

— Похоже, все мы без обеда, — подытоживаю я, глядя на испачканный пол. — Что ж... Так не доставайся же ты никому, отвоєванный борщ!

Глава 3

В кругу друзей

Онт мешает грациозно и быстро запрыгнуть в автобус. Он все никак не желает закрываться, и я всерьез рискую остаться на остановке.

Думаю, именно это и произошло бы, если бы не помог паренек, стоящий позади меня.